

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-779-794

Научная статья / Research article

Протест и доверие в Волгоградской области: особенности региональной системы политической коммуникации

С.А. Панкратов , К.М. Макаренко

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

 e-mail: pankratov@volsu.ru

Аннотация. Институционализация публичного пространства в субъектах РФ характеризуется выстраиванием региональных систем политической коммуникации, имеющих как общие базовые структурные элементы, так и специфические параметры, определяемые целым рядом факторов и условий. Акцентируется внимание на особенностях формирования и развития системы политической коммуникации в Волгоградской области между институтами региональной власти (в первую очередь исполнительной) и гражданами в условиях усиления влияния глобальных проблем (распространение COVID-19), проведения вооруженными силами РФ спецоперации на Украине, санкционной политики ряда недружественных стран по отношению к России и др., что непосредственно сказывается на жизнедеятельности населения региона. При этом новизна авторского подхода заключается не столько в исследовании информационно-коммуникативной открытости регионального политического пространства, сколько в выявлении характера гражданского и политического доверия между ведущими акторами коммуникации в Волгоградской области. Сочетание деятельностно-активистского и политико-коммуникативного подходов позволило выстроить методологическую стратегию анализа институциональных / неинституциональных акторов региональной публичной политики, обладающих различными ресурсами, влияющими на уровень и динамику взаимного доверия в процессе коммуникации. В работе аргументируется позиция, что в настоящее время именно от уровня взаимного доверия между региональной властью и гражданами во многом зависят как политическая, в том числе протестная активность населения, так и способность воспроизводства устойчивого стабильного развития. Осуществлена попытка выявления доминирующих факторов, определяющих векторы доверительных / конфронтационных характеристик в региональной системе политических коммуникаций.

Ключевые слова: протест, доверие, субъекты РФ, Волгоградская область, политическая коммуникация, коммуникативное пространство, органы власти, граждане, публичная политика

© Панкратов С.А., Макаренко К.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Панкратов С.А., Макаренко К.М. Протест и доверие в Волгоградской области: особенности региональной системы политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 779–794. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-779-794>

Protest and Trust in the Volgograd Region: Peculiarities of the Regional System of Political Communication

Sergey A. Pankratov , **Kirill M. Makarenko**

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

 e-mail: pankratov@volsu.ru

Abstract. The institutionalization of public space in the subjects of the Russian Federation is characterized by the alignment of regional systems of political communication, which have both common basic structural elements and specific parameters determined by several factors and conditions. The article analyzes the emergence and development of the system of political communication between the institutions of regional power (primarily the executive power) and citizens in the Volgograd Region amidst the growing influence of global problems (such as the spread of COVID-19), the conduct of the special military operation in Ukraine, international sanctions against Russia, etc. At the same time, the novelty of the authors' approach lies not so much in the study of the information and communication openness in the regional politics, but in identifying the nature of civil and political trust between the leading actors of communication in the Volgograd Region. Combining the action and political-communicative approaches allowed the authors to build a methodological strategy for the analysis of institutional and non-institutional actors of regional public policy that have different resources affecting the level and dynamics of mutual trust in the communication process. The paper argues that at present both the political activity, including the protest of the population, and the ability to reproduce sustainable and stable development are largely depending on the level of mutual trust between the regional authorities and the citizens. The authors attempt to identify the dominant factors that determine the vectors of trust and confrontation in the regional system of political communications.

Keywords: protest, trust, subjects of the Russian Federation, Volgograd Region, political communication, communication space, authorities, citizens, public policy

For citation: Pankratov, S.A., & Makarenko, K.M. (2022). Protest and trust in the Volgograd Region: Peculiarities of the regional system of political communication. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 779–794. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-779-794>

Выстраивание политико-коммуникативной системы в публичном пространстве региона

Построение единой политико-коммуникативной системы является одной из наиболее приоритетных задач как в рамках укрепления российской государственности в целом, так и каждого из субъектов РФ. Мобилизация и консолидация общества, особенно в условиях кризисных ситуаций, возможна исключительно в условиях единства дискурсивного пространства субъектов и объектов

коммуникативного взаимодействия. В современной России наличествуют информационные вакуумы во взаимоотношениях власти и общества, которые оставляют пространства для вольных трактовок, искажений, фальсификаций и формирования определенного уровня недоверия.

При этом в контексте демократизации общества и государства, с нашей точки зрения, политико-коммуникативная система с необходимостью «вплетена» в структуру публичного пространства. Региональное публичное пространство в федеративном государстве целесообразно определить как «социальную среду, климат и политику» для комфортной коммуникации различных субъектов в современной России, при том, что такое понимание дополняется характеристикой конкретных площадок (в областном центре, муниципальных образованиях), позволяющих институционализировать креативные коммуникационные структуры.

В рамках используемых в статье политико-коммуникативного и деятельностно-активистского подходов суть публичной политики определяется как «целенаправленное создание условий и факторов вовлечения социума и его институциональных образований, отдельных граждан в процесс обсуждения и принятия общезначимых политических решений» [Панкратов, Морозов 2021].

В каждом субъекте РФ существует своя особенная система социально-политической коммуникации. Некоторые элементы во всех регионах общие, что связано с экстраполяцией общефедеральных тенденций, какие-то характеристики общие в рамках федеральных округов, что обусловлено схожими социально-экономическими параметрами, но определенные черты уникальные.

Региональная система политической коммуникации является динамичной. Отмечаемые в начале 2000-х гг. характеристики коммуникации органов региональной исполнительной власти России и общества: односторонний характер воздействия, информационно-пропагандистская и манипулятивная направленность сведений, информационная полужакрытость, недостаточный учет мнения граждан в процессе разработки и реализации региональной государственной политики и т.д.¹ — решены в современной России лишь частично. Провозглашаемые идеалы открытости и транспарентности власти реализуются зачастую исключительно количественно, а не качественно, тем самым достигая определенных заданных показателей, но не создавая открытую систему политической коммуникации.

Нередко возникают, казалось бы, парадоксальные ситуации, когда высокий уровень информационной открытости власти, сопряжены с низкой степенью удовлетворенности населения открытостью власти. В этой связи Н.Н. Розанова отмечает, что причина подобных парадоксов коренится в отсутствии эффективных инструментов предоставления «качественной, разносторонней и объективной информации в доступной форме». Официальные сайты, в большинстве своем,

¹ Семенова Л.Г. Политическая коммуникация государственных органов региональной исполнительной власти: проблемы прямой и обратной связи: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2004. 24 с.

не способны в должной мере удовлетворить информационные запросы населения [Розанова 2014: 13–14]. Подобные коммуникативные разрывы становятся потенциальными основами недоверия между властью и жителями регионов.

А.М. Максимов выделяет пять субъектов регионального политико-коммуникативного пространства: 1) региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления; 2) региональные отделения политических партий, региональные общественно-политические организации и движения; 3) региональные бизнес-структуры; 4) региональные средства массовой информации; 5) некоммерческие общественные объединения — «третий сектор» [Максимов 2011: 206]. При этом довольно спорно выглядит отсутствие СМИ как отдельного субъекта политико-коммуникативного пространства. Сам факт отнесения СМИ к инструментам или субъектам коммуникативного процесса имеет длинную историю и разворачивается с завидной регулярностью как в общественных, так и в научных дискуссиях. С нашей же точки зрения, в эпоху роста влияния информации на процесс принятия политических решений, нельзя пренебрегать субъектным статусом СМИ.

Безусловно, основным актором регионального пространства политической коммуникации являются региональные органы государственной власти [Тамицкий 2006: 259], точнее даже будет отметить региональные органы исполнительной власти, с акцентом на главу региона. Одной из приоритетных задач главы субъекта РФ является не только управление регионом, в плане решения наиболее острых социально-экономических и политических задач, но и качественное обеспечение коммуникативного взаимодействия с гражданами с целью выявления наиболее острых проблем локального характера (в случае, если проблемы местного уровня не решены на уровне муниципалитетов).

Обратимся к данным телеграм-канала «Незыгарь». В мониторинге острых социальных проблем в субъектах РФ в период проведения Специальной военной операции на Украине (24.02.2022–31.05.2022) отмечается наличие конфликтного пространства социально-политических коммуникаций власти и общества. В структуре социальных проблем наиболее большое представительство имеют проблемы в сферах экономики (24,01 %), ЖКХ (19,79 %), безопасности (15,57 %), экологии (14,25 %). Проблемы транспорта, строительства, социальной обеспеченности, трудовые отношения и т.д. также имеют место, но занимают существенно меньшую долю. При этом, согласно мониторингу, доли ответственности в решении существующих проблем разделены следующим образом: федеральный уровень — 10 %, региональный уровень — 30 %, муниципальный уровень — 60 %². Данная ситуация вполне укладывается в современную специфику гражданской мобилизации граждан, которая объясняется феноменом — NIMBY [Семенов 2018: 57] (Not In My Back Yard — «только не на моем заднем дворе»). Изначально определяемый как основа градостроительных протестов, феномен NIMBY вышел за пределы отдельной тематики и фактически характеризует любые локальные

² Мониторинг острых социальных проблем в субъектах РФ (24.02–31.05.2022) // Телеграм-канал Незыгарь 23.06.2022 URL: <https://web.telegram.org/z/#-1096463945> (дата обращения: 03.07.2022)

(местные) проблемы: начиная от проблем ЖКХ и заканчивая планами по озеленению и обустройству общественных пространств. Мобилизация граждан на основе тематики местных проблем представляется крайне эффективным механизмом активизации протестного потенциала, так как граждане помимо общественного имеют и личный интерес, субъектную заинтересованность, что в большей степени создает стимулы к действию (в том числе и коллективному).

Следует признать, что начиная с 2020 г. — периода стремительного распространения COVID-19, до настоящего времени региональные органы власти обладают значительным ресурсом административно-властных полномочий, позволяющих не только минимизировать последствия пандемии, но и решать важнейшие задачи безопасного и стабильного развития конкретных территориальных субъектов, выстраивая эффективные политико-коммуникативные модели взаимодействия различных групп населения и институтов власти. Как отметил Президент РФ В.В. Путин: «...предоставляя дополнительные полномочия главам регионов, исходил из того, что сейчас действовать по какому-то единому шаблону не только неэффективно, но подчас и вредно. У вас есть все возможности работать адресно и выверенно, учитывать ситуацию в каждом населенном пункте, на конкретных предприятиях, в субъекте Федерации в целом, принимать адекватные, хорошо просчитанные профилактические меры, главная цель которых – защита жизни и здоровья людей»³.

Обобщение опыта выстраивания и воспроизводства политико-коммуникативной системы в публичном пространстве российских регионов позволяет согласиться с предложенной типологизацией моделей взаимодействия власти и общества: органы власти выступают в роли «заботливого родителя», чьи решения и рекомендации общественные институты и граждане выполняют беспрекословно; региональная власть выступает в роли ретранслятора идей федерального центра, выстраивая систему их реализации населением; властные институты признают и помогают гражданской самоорганизации жителей региона, с использованием механизмов взаимного сотрудничества; доминирование патерналистской системы принятия решений властными институтами с уведомлением и получением формального согласия общественности на их реализацию. При этом на практике характеристики этих моделей переплетаются, представляя некие гибридные формы с доминированием одной из них.

Система политической коммуникации в Волгоградской области: характерные черты и тенденции развития

Система политической коммуникации в Волгоградском регионе во многом определяется факторами, характеризующими публичное пространство области, среди которых доминирующими, с нашей точки зрения, выступают тип реги-

³ Выступление Президента РФ В.В. Путина на совещании с главами регионов по борьбе с распространением коронавируса в России 08.04.2020 года URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63176> (дата обращения: 10.05.2022).

онального политического режима; уровень активности акторов политического процесса; устоявшиеся векторы и механизмы взаимодействия жителей, общественных организаций и органов власти различного уровня; воспроизводимые конструкты историко-культурного ландшафта. При этом публичное пространство Волгоградской области по своим характеристикам скорее дискретно; динамизм «укоренения» институциональных элементов отличается прерывистостью и неустойчивостью; обладает в то же время креативной инфраструктурой для самореализации и самопрезентации, обмена информацией с использованием преимуществ цифрового общества.

Следует признать, что с появлением и массовым распространением Интернета граждане получили достаточно много реальных инструментов коммуникации с властью: обращения через электронную почту и/или социальные сети, массовые электронные петиции, видеообращения и т.д. При этом следует отметить, что разные форматы взаимодействия с властью имеют различный информационный резонанс.

В качестве наиболее активных и «обыденных» форм социально-политической коммуникации в Волгоградской области выступают одиночные и массовые протесты. В логике современной отечественной волны протестной активности, которая на общефедеральном уровне фиксируется с 2017–2018 гг., протесты в Волгоградской области представляют собой синтез гражданско-политической тематики, что выражается в следующем: 1) в заявляемых целях акций (протесты направлены на решение гражданских проблем (культурные, экологические, правовые, градостроительные), изначально не претендующих на институциональные политические изменения); 2) субъектами протестов с гражданской тематикой нередко выступают политические (прежде всего партийные) организации.

В период 2017–2021 гг. отмечалось наличие целого ряда публичных акций. Протесты кардинально отличались по тематике, при этом фиксировалось превалирование региональных проблем над федеральными [Гаврилов, Макаренко 2020]. Наиболее массовыми становились общефедеральные акции, проводимые в регионе, с требованием отмены изменений в законодательные акты РФ о пенсионном возрасте (28.07.2018), или усиления реальной помощи по борьбе с коронавирусом (14.06.2020), «бунт» таксистов (14.04.2019) и т.д. Помимо этого, заметными, но менее массовыми стали акции и местного характера: массовый пикет объединенных левых сил с целым рядом острых социально-экономических требований: против отмены социальных льгот, сокращения работников «Красного Октября», повышения тарифов, роста цен на бензин и общественный транспорт (16.12.2018), митинг за гуманное обращение с животными (02.11.2019), митинг обманутых дольщиков (16.12.2017). Также имеют место практики одиночного пикетирования, которые относительно просты в организации, требуют консолидации меньшего количества ресурсов, а также обладают более низкой «стоимостью участия», так как одиночные пикеты по закону не требуют согласования, в связи с чем их участники на порядок меньше задерживаются органами правопорядка. При этом и информационный фон подобные практики проявления несогласия создают несравнимо более мелкий.

Отмеченный выше митинг обманутых дольщиков — острая правовая и градостроительная проблема в Волгоградской области. Протестные акции обманутых дольщиков регулярно имели место в период 2017–2021 гг., что вызвало реакцию со стороны губернатора А.И. Бочарова в скорейшем решении обозначенной проблемы⁴.

Вирусным в Интернете стал ролик набега активисток на здание регионального Управления Роспотребнадзора с требованием, чтобы сотрудники ведомства показали им свои прививочные сертификаты (19.11.2021)⁵. Популярность акции была вызвана общим федеральным (а по большому счету и мировым) трендом протестного движения в 2021 г., направленного на борьбу с требованием QR-кодов.

Одной из наиболее частых проблем, отмечаемых региональными экспертами в отношении к губернатору Волгоградской области А.И. Бочарову, является низкая активность прямых контактов с жителями региона, т.е. «прямая связь» между гражданами и региональной властью не отличается регулярностью, а большинство коммуникаций довольно опосредованы.

Проблемы «коммуникативных разрывов» (нерегулярность общения власти и общества) в регионах осознаются федеральной властью сильнее, нежели региональной. Именно этим можно объяснить складывающуюся тенденцию на формирование в регионах новых каналов коммуникации. 7 июля 2021 г. по итогам «Прямой линии» В.В. Путин поручил главам регионов РФ проводить подобные мероприятия не реже раза в год⁶. В ответ на поручение 16 декабря 2021 г. А.И. Бочаров провел свою «Прямую линию»⁷. Подобная практика зарекомендовала себя как адекватная попытка найти новые формы диалогового общения с жителями региона. Основное количество вопросов и претензий касалось не характера самого общения, а скорее технических моментов: отбор и отсутствие острых вопросов социально-экономического характера и т.д., что в большей степени фиксирует неопытность команды губернатора в организации форм прямого общения или их сознательное желание избежать сложных вопросов и ситуаций.

Для преодоления проблем социально-политической коммуникации между региональной властью и гражданами и в рамках выполнения озвученной Президентом национальной цели — цифровой трансформации до 2030 г. в 2020 г. во всех регионах Российской Федерации были созданы Центры управления ре-

⁴ Андрей Бочаров: «В 22–23 году мы в регионе решим проблему обманутых дольщиков» // БезФормата. URL: <https://volgograd.bezformata.com/listnews/reshim-problemu-obmanutih-dolshikov/100167890/> (дата обращения: 02.07.2022).

⁵ Налет на здание волгоградского Роспотребнадзора устроили противники QR-кодов // Новости Волгограда. 19.11.2021. URL: <https://novostivolgograda.ru/news/society/19-11-2021/nalyot-na-zdanie-volgogradskogo-rospotrebnadzora-ustroili-protivniki-qr-kodov> (дата обращения: 02.07.2022).

⁶ Путин поручил губернаторам проводить раз в год свои «прямые линии» // РБК 07.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2021/60e59a559a79478abf48cbf0> (дата обращения: 03.07.2022).

⁷ Три часа открытого диалога: Андрей Бочаров провел «Прямую линию» // Volgograd.ru 16.12.2021. URL: <https://www.volgograd.ru/gubernator/tekush/383356/> (дата обращения: 03.07.2022).

гионом (ЦУР), основная задача которых состоит в мониторинге и обработке обращений граждан и последующей передаче обращений в соответствующие органы власти, государственные и муниципальные учреждения регионов⁸.

По данным, полученным авторами статьи от сотрудников ЦУР Волгоградской области на условиях анонимности, в 2021 г. от граждан в центр поступило свыше 20 тысяч обращений. Интенсивность поступления обращений в значительной степени зависит от ситуации в регионе и времени года. Зимой могут поступать до 200 обращений в день на расчистку снега. В 2022 г. в среднем в месяц поступает 1700 обращений. С началом СВО активность жителей упала. Рост числа обращений может быть обусловлен, например, изменениями в транспортной схеме, авариями ЖКХ, пожарами и т.д.

Волгоградская область и губернатор А.И. Бочаров в сводном мониторинге анализа острых социальных проблем в субъектах РФ занимает 54-е место (места распределялись в зависимости от количества острых социальных проблем: 1-е место — наибольшее количество выделенных социальных проблем, 85-е место — наименьшее). В качестве основных проблем выделяются: 1) рост цен, дефицит товаров, лекарств; 2) жалобы на неудовлетворительную работу регионального оператора по вывозу мусора; 3) жалобы на стаи бездомных собак; 4) нехватка автобусов на юге Волгограда. Отмечается регионально-муниципальный уровень ответственности с низким уровнем вовлечения губернатора в решение проблем.

С нашей точки зрения, такая ситуация выступает следствием произошедшей в девяностые годы прошлого века «деиндустриализации» промышленного комплекса, в первую очередь, в областном центре, сформировавшемся в советский период истории и деградации социальной инфраструктуры, во многом базировавшейся на финансово-экономической «мощи» промышленных гигантов. Фактически в каждом районе Волгограда (протяженность которого около 100 км узкой «полоской» вдоль Волги) функционировало по несколько крупных предприятий союзного уровня, которые определяли логистические, транспортные, социальные и иные параметры (потребность в рабочей силы, виды и уровни профессионального образования, жилищное строительство, направленность и специфику социальной защиты, поддержка системы здравоохранения и др.) жизнедеятельности горожан и жителей сельской местности. До настоящего времени не преодолен финансово-экономический и управленческий дисбаланс между приоритетами населения современного «общества потребления» и реальными ресурсами их удовлетворения. Более того, в регионе достаточно противоречиво и не всегда последовательно происходит институционализация новых управленческих и хозяйственных структур взамен разрушенной эффективно функционировавшей в СССР системы управленческого взаимодействия между партийными и государственными органами, а также директором предприятий.

⁸ Центры управления регионом создали во всех субъектах России // Тасс 02.12.2020 URL: <https://tass.ru/politika/10148947> (дата обращения: 03.07.2022).

В качестве основного инструмента решения проблем используются поручения профильным органам исполнительной власти⁹. При этом, как показывает рейтинг, наиболее эффективным инструментом влияния на процесс решения локальных проблем является их публичная оценка главой субъекта Федерации, которая хотя и является наиболее простым инструментом, тем не менее формирует определенный дискурсивный фон, способствующий решению проблемы. В данном случае неформальная публичная оценка показывает заинтересованность региональной власти в решении проблем в большей степени, нежели традиционные бюрократические механизмы.

Мы можем убедиться, что проведение СВО практически не отразилось на характере проблем в регионе. Волгоградская область, как было заявлено руководителями области, может принять из зоны конфликта на востоке Украины около 3,5 тысяч человек. При этом значительную часть приезжих из ЛНР и ДНР (уже к марту 2022 г. в регион прибыло более 1000 беженцев) в настоящее время составляют дети, женщины, лица пенсионного возраста и инвалиды, размещаемые как в гостиницах, пансионатах, так и в семьях волгоградцев с оказанием всей необходимой помощи. Волгоградцы в основном с пониманием отнеслись к нуждам соотечественников, а благодаря развитому в регионе волонтерскому движению, активно поддерживаемому губернатором, в Волгограде и районах области сложилась эффективная система взаимодействия власти и гражданского общества для решения текущих и возникающих проблем адаптации беженцев.

Фактором, положительно сказывающимся на жизни волгоградцев, является стабильное функционирование международного аэропорта «Волгоград — Гумрак», лишь на несколько дней приостанавливавшего функционирование в начале СВО. При этом аэропорт позволяет обеспечивать грузовые и пассажирские авиаперевозки в том числе из сопредельных регионов (Ростов-на-Дону, Элиста, Астрахань и др.).

Несмотря на попытки спецслужб Украины дестабилизировать ситуацию в Волгоградской области (попытка подкупа военнослужащих ВКС РФ угнать самолет, базирующийся на территории региона, в Украину; организация теракта на нефтепроводе, проходящем по территории области и т.д.), поддерживается высокий уровень безопасности, что позволяет минимизировать возможное в такой ситуации усиление панических настроений и уровня страхов среди различных групп населения, провоцируемых распространением фейковой информации со стороны СМИ недружественных государств. Однако продолжает сохраняться определенный уровень социальной напряженности наименее защищенных слоев населения, продуцируемый нерешенностью бытовых проблем (рост цен, дефицит некоторых товаров и лекарств и т.д.), что регулярно находит отражение в региональном протестном дискурсе.

⁹ Мониторинг Острых социальных проблем в субъектах РФ (24.02–31.05.2022) // Телеграм-канал Незыгарь 23.06.2022 URL: <https://web.telegram.org/z/#-1096463945> (дата обращения: 03.07.2022)

При этом в выстроенной в публичном пространстве региона политико-коммуникативной системе власти и общества ощущается потребность в «доверительности» как атрибутивном свойстве субъектов взаимодействия, что и нашло отражение в анализируемых практиках институциональной / неинституциональной коммуникации.

Принцип доверия в сложившейся политико-коммуникативной системе региона

Следует сразу подчеркнуть, что проблема доверия в политико-административном, публичном пространстве России актуализируется с должной периодичностью. Значимость политического (или шире — институционального) доверия возрастает в связи с тем, что она является основой социального доверия [Sønderskov, Dinesen 2016], которая, в свою очередь, во многом, определяет качество жизни граждан и коллективную способность достигать желаемого уровня общественных благ [Neville 2012; Thöni et al. 2012].

В январе 2021 г. на совещании в Администрации Президента РФ были обсуждены результаты достижения ключевых показателей эффективности (КPI) региональными лидерами в 2020 г. Губернатор Волгоградской области А.И. Бочаров не оказался в списке лидеров по уровню доверия населения, среди которых были названы руководители Чечни, Адыгеи, Курганской и Курской областей, а также Ямало-Ненецкого автономного округа. Вместе с тем он не был отмечен в группе аутсайдеров по уровню доверия населения, в которую были отнесены главы Хакасии, Владимирской и Кемеровской областей, Хабаровского и Красноярского краев. По результатам масштабного исследования, проводимого в регионе специалистами из Санкт-Петербурга, было выявлено, что А.И. Бочарову в должности губернатора доверяют 60,3 % опрошенных жителей. Согласно результатам экспертного опроса по *оценке деятельности глав субъектов РФ*, проведенного *центром информационных коммуникаций «Рейтинг»*, в рамках проекта «Национальный рейтинг» в марте-апреле 2022 г. руководитель Волгоградской области вошел в третью группу региональных лидеров, заняв 67 из 85 позиций рейтинга. Следует отметить, что указанные выше и другие исследовательские проекты по данному вопросу используют различные, не всегда сопоставимые методики проведения, что требует квалифицированного подхода к интерпретации их результатов.

Наиболее отчетливо «доверие к власти (доверие к Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, уровень которого определяется в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации)» выделено первым пунктом в перечне показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов

исполнительной власти субъектов Российской Федерации в Указе Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»¹⁰.

После начала специальной военной операции на Украине в своем выступлении на совещании о мерах поддержки регионов В.В. Путин вновь обратился к проблемам доверительной консолидации общества и власти, подчеркнув, что «текущая ситуация — это, безусловно, испытание для нас всех. Уверен, мы пройдем его достойно, упорным трудом, совместной работой и взаимной поддержкой преодолеем все трудности и станем еще сильнее, как это всегда было в истории тысячелетней России»¹¹.

Не останавливаясь на различных трактовках понимания феномена доверия, [Козырева 2014; Латов 2021; Байков 2018] с нашей точки зрения, в рамках анализируемой темы институциональных особенностей политико-коммуникативной системы в регионах РФ важно подчеркнуть, что доверие есть социально-психологическое чувство как отдельных граждан, так и граждан, объединившихся в определенные организации, их превентивная оценка, сочетающая рациональное и эмоциональное начало и выражающаяся в поддержке конкретных акторов, обладающих административно-политическими полномочиями и ресурсами, готовность разделять и отстаивать их ценностные и программные установки. При этом авторская позиция основывается на том, что доверие властных структур любого уровня к гражданам (населению), институтам гражданского общества выступает в качестве социального и политического капитала, предполагающих реализацию стратегий и программ на основе соблюдения демократических прав и свобод человека, возможности проявлять гражданскую и политическую активность.

Преодоление «коммуникационных разрывов» в публичном региональном пространстве, в том числе Волгоградской области, может быть осуществлено лишь при наличии доверия обеих сторон (власти и общества), основанного на желании и умении слушать и слышать «другого». Обладание доверительностью как необходимым атрибутивным свойством политической коммуникации формируется и закрепляется на уровне политического сознания, в общественном мнении, региональных административно-политических практиках в онлайн- и офлайн-форматах чаще всего исходя из личного опыта населения, доминирующих моделей гражданской и политической культуры и, конечно, особенностей

¹⁰ Указ Президента РФ от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400281504/> (дата обращения: 03.07.2022).

¹¹ Стенограмма выступления Президента России В.В. Путина на совещании о мерах поддержки регионов 16.03.2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/03/16/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-soveshchani-i-o-merah-podderzhki-regionov.html> // (дата обращения: 05.07.2022).

исторического развития субъекта РФ, содержания и элементов территориальной идентичности, воспроизводимой различными социальными группами.

Так, в Волгоградском регионе факторами в значительной степени определяющими уровень доверия / конфронтации органов исполнительной власти (в частности губернатора) и населения, выступают: 1) длительное присутствие на должности руководителя региона так называемых «варягов», их частая сменяемость — А.Г. Бровко (с 12.01.2010 по 17.01.2012 г.); С.А. Боженков (с 02.02.2012 по 02.04.2014 г.); А.И. Бочаров (с 02.04.2014 по настоящее время) и необходимость доказывания, что губернатор не временщик; 2) кадровая неопределенность, проявляющаяся нередко в публичной немотивированности отставок и назначений в аппарате губернатора и иных властных структурах; 3) слабая консолидация региональной элиты по ключевым вопросам развития областного центра и сельской местности; 4) постепенная утрата индустриального (трудового, профессионального) потенциала региона, сопряженная со сложностями профессиональной ресоциализации значительной части населения и др.

На формах проявления и уровне доверия населения к руководителю региона в определенной степени сказывается доминирование государственно-патриотических элементов в структуре политического сознания, региональной идентичности большинства жителей, в том числе молодежи, основанных на воспроизводстве исторической памяти о победе советского народа в Сталинградской битве. Этот факт во многом позволил в апреле 2014 г. Герою Российской Федерации, полковнику запаса, проходившему военную службу на командных должностях в Воздушно-десантных войсках России А.И. Бочарову после назначения Указом Президента временно исполняющим обязанности губернатора Волгоградской области получить первоначальный кредит доверия от большинства жителей региона, дважды избираться на пост руководителя при поддержке в том числе ветеранских организаций Волгоградской области.

Позитивная тенденция поиска векторов доверия между институтами власти и гражданского общества, отдельными гражданами в региональной системе политической коммуникации проявляется через регулярность проведения общественных слушаний по решению проблемных вопросов; возрастание роли Общественной палаты Волгоградской области; успешное поддержание этноконфессионального согласия на территории региона; консолидацию представителей различных социальных слоев и организаций (волонтерские движения) по преодолению последствий пандемии, оказанию помощи переселенцам из Луганской и Донецкой областей.

Однако, безусловно, решающим фактором, определяющим наличие взаимного доверия как важнейшего атрибута системы политической коммуникации в Волгоградской области, выступают результаты текущей деятельности, направленной на повышение качества и уровня жизни представителей всех социальных слоев и поколенческих когорт. Следует признать, что по многим социально-экономическим показателям Волгоградский регион в настоящее время относится к депрессивным субъектам РФ. Таким образом, как отмечают эксперты, с одной стороны, именно относительно невысокий уровень жизни населения

в регионе продуцирует воспроизводство столь же невысокого уровня доверия жителей к институтам власти и коммуникационный разрыв в системе субъектов взаимодействия публичного пространства Волгоградской области. С другой стороны, система коммуникации не может функционировать в одностороннем порядке — как требования населения к органам власти, а предполагает гражданскую самоорганизацию и ответственность волгоградцев, готовность и способность к доверительному сотрудничеству по всем проблемным аспектам развития региона.

Заключение

В рамках отечественной политической науки происходит постоянный анализ состояния, тенденций развития и векторов модернизации региональных систем политической коммуникации, что определяется необходимостью теоретического обоснования и практического внедрения наиболее эффективных моделей взаимодействия властных и гражданских институтов, населения субъектов РФ в условиях как возникновения новых политических и социально-экономических вызовов, так и «нерешенности» проблем, обозначенных ранее. Процессы цифровизации социума и институционализация новых форм цифровой культуры у представителей различных социальных групп и поколенческих когорт, внедрение в обыденные практики жизнедеятельности населения технологий искусственного интеллекта объективно способствуют возникновению и закреплению инновационных способов и механизмов коммуникации между отдельными гражданами, их объединениями, властными структурами (использование электронной почты и социальных сетей; видеообращения; электронные петиции; онлайн-протесты и т.д.). При этом все чаще жители выражают свою позицию в публичном пространстве региона, актуализируя «повестку» для решения вопросов органами власти, прежде всего исполнительной.

С точки зрения авторов, доминирующей тенденцией в выстраивании региональных систем политической коммуникации в РФ выступает институционализация гибридной модели, сочетающей элементы «мягкого» патернализма со стороны исполнительной власти, руководителя региона и контролируемый процесс самоорганизации граждан, направленный на обеспечение принципа взаимного сотрудничества. Как показывают результаты проведенных исследований, инвариантность практик взаимодействия региональной власти и жителей в публичном пространстве субъектов во многом зависит от типа политического режима; количества акторов публичного действия и уровня их активности; деятельностно-психологических характеристик руководителя региона; историко-культурного ландшафта, проявляемого в том числе в структуре и содержании региональной идентичности населения.

Социально-политические процессы, связанные с воссоединением Крыма с Россией, организацией мер по минимизации распространения COVID-19, санкционной политикой недружественных стран по отношению к России, проведение СВО на Украине и т.д., актуализировали необходимость выстраивания

систем коммуникации на принципах взаимного доверия между региональными управленческими и гражданскими институтами, населением в целом. Фактически уровень доверия жителей органам власти, в первую очередь исполнительной, руководителю региона признается одним из важнейших индикаторов эффективности их функционирования.

В Волгоградской области руководством региона осознается непреодолимость до конца информационных вакуумов, наличие «коммуникационных разрывов» в структуре и формах коммуникации акторов публичного пространства. Данное обстоятельство проявляется в том числе в обыденных практиках одиночных и массовых протестов как крайних формах гражданской активности, направленной чаще всего на решение «бытовых» проблем волгоградцев. Вместе с тем следует признать целенаправленные попытки власти по совершенствованию региональной публичной политики, основанной прежде всего на доверии между губернатором А.И. Бочаровым, общественными институтами и отдельными гражданами. С точки зрения авторов, доверие в равной степени необходимо при всех формах, используемых механизмах и технологиях взаимодействия власти и общества (от личного приема граждан губернатором, общественных слушаний при обсуждении конкретных проблем, публикаций в СМИ, конкурентной борьбы региональных отделений политических партий до крайних форм коммуникации — протестных акций). В противном случае может произойти институционализация имитационной системы коммуникации.

Таким образом, от направленности и тенденций формирования и функционирования региональных систем политической коммуникации во многом зависит обеспечение безопасного и стабильного развития российского общества и государства, способных эффективно решать глобальные и национальные проблемы.

Поступила в редакцию / Received: 19.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 15.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.08.2022

Библиографический список

- Байков Н.М.* Доверие как основополагающий базис гражданского общества // *Власть и управление на Востоке России*. 2018. № 1. С. 55–64.
- Гаврилов С.Д., Макаренко К.М.* Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25, № 3. С. 192–203. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17>
- Козырева П.М., Смирнов А.И.* О границах политического доверия // *Власть*. 2014. № 5. С. 5–10.
- Латов Ю.В.* Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 5. С. 161–175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>

- Максимов А.М. Региональные политические коммуникации в условиях трансформации российской политической системы // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1 (96). Вып. 17. С. 204–211.
- Панкратов С.А., Морозов С.И. «Дистант» коммуникации: трансформация взаимодействия российского общества и власти в эпоху глобальной пандемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 172–181. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15>
- Розанова Н.Н. Информационная открытость как важнейшая содержательная характеристика репутации региональной власти // Век качества. 2014. № 3. С. 10–14.
- Семенов А.В. Протестная активность россиян в 2012–2013 гг. // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 53–63. <https://doi.org/10.31857/S013216250002785-6>
- Тамицкий А.М. Региональная власть как актор информационной политики // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 8. С. 256–261.
- Neville L. Do economic equality and generalized trust inhibit academic dishonesty? Evidence from state-level search-engine queries // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23, no. 4. P. 339–345.
- Sønderskov K.M., Dinesen P.T. Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust // *Polit Behavior*. 2016. Vol. 38. P. 179–202. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8>
- Thöni C., Tyran J. R., Wengström E. Microfoundations of social capital // *Journal of Public Economics*. 2012. Vol. 96, no. 7. P. 635–643.

References

- Baykov, N.M. (2018). Trust as a fundamental basis of civil society. *Power and Administration in the East of Russia*, 1 (82), 55–64. (In Russian) <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-82-1-55-64>
- Gavrilov, S.D., & Makarenko, K.M. (2020). Character of Protest Political Mobilization in the Regional Public Space of Volgograd Region. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 25(3), 192–203. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17> (In Russian).
- Kozyreva, P.M., & Smirnov, A.I. (2014). On the limits of political trust. *Vlast'*, (5), 5–10. (In Russian).
- Latov, Yu.V. (2021). Institutional Trust as a Social Capital in Modern Russia (on the Results of Monitoring). *Polis. Political Studies*, (5), 161–175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11> (In Russian).
- Maksimov, A.M. (2011). Regional political communications under the Russian political system's transformation. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political science*, 1(96), 204–211. (In Russian).
- Neville, L. (2012). Do economic equality and generalized trust inhibit academic dishonesty? Evidence from state-level search-engine queries. *Psychological Science*, 23(4), 339–345.
- Pankratov, S.A., Morozov, S.I. (2021). “Distant” communication: the transformation of the interaction of Russian society and government in the era of a global pandemic. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 26(3), 172–181. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15> (In Russian).
- Rozanova, N.N. (2014). Information openness as the most important meaningful characteristic of the reputation of regional authorities. *Age of Quality*, (3), 10–14. (In Russian).
- Semenov, A.V. (2018). Protest activity of Russians in 2012–2013. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (11), 53–63. <https://doi.org/10.31857/S013216250002785-6> (In Russian).

- Sønderskov, K.M., & Dinesen, P.T. (2016). Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust. *Polit Behavior*, 38, 179–202. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8>.
- Tamitsky, A.M. (2006) Regional authorities as an actor of information policy. *Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, (8), 256–261. (In Russian).
- Thöni, C., Tyran, J. R., & Wengström, E. (2012). Microfoundations of social capital. *Journal of Public Economics*, 96(7), 635–643.

Сведения об авторах:

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета (e-mail: pankratov@volsu.ru) (ORCID: 0000-0002-1733-730X)

Макаренко Кирилл Михайлович — старший преподаватель кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета (e-mail: makarenko_km@volsu.ru) (ORCID: 0000-0002-1161-5719)

About the authors:

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University (e-mail: pankratov@volsu.ru) (ORCID: 0000-0002-1733-730X)

Kirill M. Makarenko — Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University (e-mail: makarenko_km@volsu.ru) (ORCID: 0000-0002-1161-5719)